

Мысли без содержания пусты, созерцания
без понятий слепы”.

И. Кант

Кризисная ситуация “антипозитивистского перелома” (как его иногда именуют) в социологии необходимо связана с обсуждением проблем социологической интерпретации. Проблемы эти восходят, в свою очередь, к многообразным и сложным “дискурсам”, как сейчас принято выражаться, по поводу социологической онтологии, методологии и эпистемологии. Однако центральное место, в конечном счете, принадлежит уяснению природы используемых в социологических исследованиях процедур объяснения и понимания. Именно взаимоотношение этих процедур, определение места каждой из них в сложном познавательном акте — одна из важнейших методологических и метатеоретических проблем современной социологии.

Попытки выяснить взаимодействие этих процедур в том или ином акте социологического исследования, а также разобраться в природе социологической интерпретации приводят к путанице и неопределенности порой чисто словесного характера: объяснение, понимание и интерпретацию зачастую просто не различают, для обозначения одной и той же процедуры употребляют разные термины. Однако выяснение природы каждой из этих процедур и соответствующие предпочтения — не область спекуляции. Предпочтения эти, как и любая методологическая позиция, непосредственно вторгаются в исследовательскую практику. И именно последняя, в конечном счете, дает возможность оценить преимущество каждой из них. Как пишет, например, Елена Казакевич, анализирующая позицию сторонника “социологического реализма” У. Аутвейта (и выражающая по данному поводу солидарность с ним): “существенно то, что общественные науки требуют множественности методологических подходов не меньше, чем естественные. *О достоинстве этих подходов можно судить только по практике этих наук и по степени, в какой они, на взгляд обществоведов и публики, обогащают наше понимание социального мира*” (курсив мой — И. П.) [1, 178].

Размышления относительно социологической интерпретации и уяснение места и роли в ней понимания и объяснения предполагают обращение к логике развития научного знания, исторически-конкретной последовательности “прихода” в социологию указанных процедур. Необходим в данном случае не ретроспективный подход, когда анализ идей осуществляется “с конца пути”, а характеристика “долгой дороги”, которую проходят идеи (и процедуры) реализуясь и утверждаясь в исследовательской практике¹.

¹ Об издержках “ретроспективного подхода” к эволюции идей пишет Ю.Н. Давыдов, характеризуя творческую эволюцию П.Сорокина. Естественно в данном случае и использование образа “дальней дороги”, который навеян автобиографической работой П. Сорокина “Дальняя дорога”. Образы и представления, использованные Ю. Н. Давыдовым для характеристики творчества П. Сорокина [2, 164 - 165], могут быть полезны для анализа различных идей в социологии и, в частности, при выяснении природы социологической интерпретации.

Интерпретация в самом общем смысле характеризуется как “придание, приписывание смысла вещам и событиям” [3, 185], “установление значения теоретических терминов и высказываний” [4, 37], “придание смысла или значения символам формализованного языка или исчисления” [5, 163], как “ключ” к пониманию [6, 151]. Существуют и другие характеристики интерпретации, суть которых определяется, как правило, двумя обстоятельствами:

* различиями в характере знаний (логика, математика, естественнонаучное знание, с одной стороны, и социально-гуманитарное, историческое знание, с другой);

* различиями периодов в развития научного знания (классического, неклассического и пост - неклассического)².

Если иметь в виду, что критерии “научности” и эталоны “научного познания” первоначально задавались преимущественно естественными науками, то соответствующим образом трактовалась и “научная” интерпретация. Она представляла собой соотнесение теоретических знаний и эмпирических фактов, отождествлялась с теоретизированием и объяснением. Последнее - определенная процедура, обусловленная наличием *причинно-следственных, необходимых, “каузальных”, “номических” связей между явлениями*. Наличие таких связей, фиксировалось научными законами, которые составляли основное содержание научных теорий. Именно установление “каузальности” лежит в основе научного объяснения - даже в том случае, если признается наличие так называемых “телеологических» объяснений (о чем речь будет идти далее).

Выясняя специфику процедуры научного *объяснения*, обращают внимание на неправомерность характеристики ее как процедуры, обусловленной ответом на вопрос “почему”, ибо вопрос этот чрезвычайно многозначен. Такая характеристика научного объяснения не дает также возможность отличить последнее от объяснений, содержащихся в представлениях здравого смысла. [8, 8-10]. Необходимо, - по мнению Е. П. Никитина, - подвергнуть анализу не обыденное словоупотребление, а те реальные объяснительные процедуры, которые имеют место в научном исследовании ...” [8, 10]. Анализ “реальных объяснительных процедур”, используемых в науке, свидетельствует о том, что, несмотря на значительное многообразие типов, видов научных объяснений, любая объяснительная процедура предполагает установление *необходимой связи, подведения под закон*³.

“Подводящую” теорию объяснения, связывают с объяснением каузальным. Известный современный логик и методолог науки Г. Х. фон Вригт пишет следующее: “Модель объяснения посредством закона первоначально рассматривалась как обобщение идей, связанных с каузальным объяснением” [9, 74]⁴. В дальнейшем понятие причины вытесняется понятием функции, а также понятием “условия”, вводящим объяснительную процедуру в круг представлений о необходимых и достаточных условий [9, 74-77]. Это, однако, не выводило научное объяснение за пределы “подводящего” объяснения. Более того, модификация модели объяснения посредством закона, осуществленная К.Г. Гемпелем, состояла в том, что в ней были выделены две подмодели: дедуктивно-номологическая и индуктивно-вероятностная, что, с одной стороны, повышало шансы

² Характеристика данных периодов как “форм научности” применительно к развитию социологии дана Ю.Н. Давыдовым [7, 14].

³ Так Е.П. Никитин классификации научных объяснений по различным критериям предваряет формулирование правил, согласно которым в качестве “объясняющего” выступает “по крайней мере, один закон науки”, под который “подводится объясняемое” [8, 36].

⁴ Фон Вригт, характеризуя различные традиции научного объяснения, в одном из примечаний приводит следующее высказывание Р.Е. Хобарта: “Объяснить событие - значит показать, что оно должно было произойти. Это значит представить его как следствие некоторой причины, иными словами, как частный случай закона” [9, 202].

отнесения исторического объяснения к объяснению посредством законов⁵. С другой стороны, концепция К. Г. Гемпеля и аналогичные концепции объяснения являлись “вариантами теории объяснения, выдвинутой еще классическим позитивизмом, в частности Миллем” [9, 49].

Вплоть до недавнего времени “подводящее” объяснение играло значительную и, можно сказать, даже основополагающую роль в социологии. Важно в связи с этим обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, на то, что широко используемое в социологии “функциональное” объяснение является разновидностью причинно-следственного, номического объяснения. Специфика его состоит лишь в том, что рассуждение ведется не от причины к следствию, а наоборот. Называя такое объяснение “следственным” и ссылаясь на Мертоновскую классификацию следственных объяснений как “нефункциональных”, “функциональных” и “дисфункциональных”, Е.П. Никитин связывает данное объяснение с “причинно-следственным законом” [8, 97]. Функциональные объяснения, называемые также “телеологическими”, на самом деле таковыми не являются. Совершенно справедливо фон Вригт именует их “квазителеологическими”, считая, что, хотя они и формулируются в телеологических терминах, истинность таких объяснений “зависит от истинности номических связей” [9, 117]. Таким образом, распространению и утверждению функционализма в социологии вполне соответствовало представление о социологической интерпретации как научном объяснении, понимаемом в духе науки классического и неоклассического периодов ее развития.

В недрах самой социологии, однако, а также в рамках антипозитивистской философии науки, которая получила развитие в конце XIX века, оформляется другая традиция, меняющая коренным образом представление о научной интерпретации. Указанная традиция связана с герменевтикой, имеющей длительную историю своего развития. Традиция эта связана также с противопоставлением номотетических и идеографических наук, естественнонаучного и гуманитарного знания. В русле этой традиции формируется противостояние позитивистской концепции объяснения, оформляется методологическая дихотомия, которую немецкий историк и философ Дрейзен назвал *дихотомией объяснения и понимания*. “В обычном словоупотреблении, пишет фон Вригт, – не проводится четкое различие между словами “понять” и “объяснить”. Практически любое объяснение, будь то каузальное, телеологическое или какое-то другое, способствует пониманию предметов. Однако в слове “понимание” содержится психологический оттенок, которого нет в слове “объяснение” [9, 45]. Вригт обращает также внимание на то, что понимание особым образом связано с *интенциональностью*. “Можно понять цели и намерения другого человека, значение знака или символа, смысл социального института или религиозного ритуала. Этот интенционалистский или семантический, аспект понимания стал играть важную роль в современных методологических дискуссиях” [9, 45].

В соответствии с этой традицией всякая, и в том числе научная, интерпретация трактовалась как понимание, как выяснение смысла текстов. Правомерность такого подхода к интерпретации в обществоведении связывалась со спецификой человеческих действий, с тем принципиальным значением, которое для них имеет интенциональность. И хотя позднее некоторыми из представителей данной методологии делались попытки преодолеть “субъективистский” ее характер и обратить внимание на “объективный” характер результатов, получаемых посредством процедуры понимания, принципиально субъективистская природа понимания, *противопоставляемая объяснению*, не вызывает никакого сомнения. Субъективизм характерен и для различных концепций в социологии, называемых “интерпретативистскими”. Абсолютизация понимания как

⁵ Именно это со времени опубликования в 1942 году статьи “Роль общих законов в истории” находилось в центре внимания Гемпеля.

основополагающего метода социологической интерпретации достигла своего апогея именно в пост - неклассический период развития науки, отчетливо проявившись в дебатах социологической методологии 50-60 годов, продолжающихся по сию пору. В этот период ставится даже задача переинтерпретировать социологическую классику (в частности, Э. Дюркгейма, руководствующегося позитивистской установкой) в терминах герменевтической теории понимания. “Переинтерпретация” социологической интерпретации вдохновлялась также пробудившимися симпатиями, тяготением социологии этого периода к этнографии и антропологии, развитием исторической социологии.

Не осталось в стороне от этого процесса и естествознание. Еще ранее на его развитие и используемые процедуры интерпретации оказала влияние логическая семантика, в рамках которой разрабатывались теории смысла. Под влиянием логической семантики процедура *понимания как осмысления научного знания* проникает в естественные науки, что, в дальнейшем стимулируется также осознанием социокультурной природы любого научного знания, значимостью коммуникативной связи для научного сообщества, ролью интуиции в научном познании, признанием статуса “неявного знания” и др. Оказывает влияние на методологию естествознания и собственно-герменевтическое истолкование процедуры понимания, которое исторически формировалось в достаточно далеко отстоящих от сциентистского естествознания областях: в христианской экзегетике (как толкование, осмысление священных текстов), в филологии (в частности, в религиозно-ориентированном немецком романтизме), в идеалистической “философии жизни”.

Возможность ассимиляции понимания как научной процедуры предполагает выяснение того, что же составляет ее специфику и отличает от объяснения. Прежде всего, следует отметить, что понимание, характеризующее, наряду с другими понятиями (“смысл”, “авторитет”, “традиция”, “интерпретация”, “герменевтический круг”, “часть и целое”), герменевтику (искусство толкования и разъяснения) является ее центральным понятием [6,24]. Существует многообразие видов герменевтической интерпретации. Можно, однако, выделить некоторые инварианты, характеризующие понимание как процедуру, лежащую в основе любой герменевтической интерпретации и отличающие ее от объяснения.

Понимание необходимо связывается с *диалогичностью* познавательного акта, с представлением о нем как взаимоотношении между *субъектами* - интерпретатором и автором “текста”, смысл которого необходимо раскрыть, “реконструировать”. “Такая реконструкция связана не с логическим и теоретическим познанием текста или речи, а с его интуитивным постижением, в котором решающую роль играет воображение и перевоплощение” [10, 39]. *Интуитивное постижение в сравнении с рациональным теоретизированием характеризует принципиальное отличие герменевтического понимания от научного объяснения.* При этом реконструкция смысла (толкование его “именно так, а не иначе”) принципиально *неверифицируемо и не соответствует представлениям о научном обосновании, в котором необходимо присутствует явно выраженное основание* [11, 27].

Отличительным признаком герменевтического понимания является также его принципиально *индуктивный, синтезирующий характер.* В процессе понимания на основании знания *части*, отдельных элементов реконструируется *целое*, что, собственно говоря, и дает возможность *осмыслить* то или иное высказывание, элементы текста, зафиксированные интерпретатором. Это осмысление также результат обобщения, выявления инвариантов в детально-описанном “тексте”. Инварианты *выявляются, обнаруживаются* с помощью интуиции, а не *привносятся* путем рационального

рассуждения в соответствии с ранее сконструированной теоретической концепцией⁶. Разумеется, речь идет о том, что представляет собой понимание как бы “в чистом виде”, в отличие от научного объяснения. “Однако в процессе любой интерпретации (независимо от того, касается ли это истолкования текстов, мотивации людей или естественно - научных данных) мы всегда сначала имеем дело с фактами, которые стремимся понять и объяснить, а для этого раскрываем их смысл или значение” [13, 164]. В практике любого научного исследования, таким образом, всегда имеет место существование понимания и объяснения.

И все же для социолога важно осознать специфику герменевтического понимания и овладеть техникой его применения в процессе социологического исследования. И дело не только в том, что различие в схеме интерпретации естественных и социально-гуманитарных наук⁶ проявляется в характере тех гипотез, законов и теорий, которые выдвигаются для раскрытия смысла соответствующих фактов и данных” [13, 165]. Социолог должен владеть навыками, обеспечивающими использование *принципиально различных*, но одинаково необходимых и взаимосвязанных в исследовании процедур объяснения и понимания. Имея дело с человеческими действиями, и используя человека в качестве источника социологической информации⁷, социолог, прежде всего, (уже на уровне описания) должен *понять* данные, полученные эмпирическим путем. При этом понимание осуществляется в типично герменевтическом смысле: выясняется тот смысл, который подразумевал респондент, выражая свои оценки, ориентации и “знания”. В этом плане феноменологическая установка является совершенно оправданной. Как пишет Д.Уолш, “... если задача социолога... состоит в описании того, как сфера, именуемая обществом, складывается из действий индивидов, а не из причин и следствий их действий, то какой метод удовлетворяет этой задаче? Таким методом будет, вероятно, какая-то форма понимания (*Verstehen*). Точно так же как сами члены общества конструируют социальный мир, обнаруживая и документируя его свойства посредством процедур интерпретации, социолог должен идти путем интерпретации и документирования этих первичных процедур, используемых различными людьми” [14, 73].

Действительно, многие “недоразумения” или то, что часто называют “парадоксами сознания” – результат того, что социолог *приписывает респондентам “свои” смыслы*, подменяет понимание явлений и процессов (понимание их респондентами) своим

⁶ Следует обратить внимание в связи с этим на то, как характеризуются различие между количественными и качественными методами (широко используемых “гуманистически ориентированной” социологией). Дело не только в том, что термины, обозначающие то и другое, не выражают сути этих методов. Но и в характеристике их и в попытках установить их различие не указывается на принципиально индуктивный, синтезирующий характер “качественных” методов. Хотя в “подтексте” (кстати, фиксирование “подтекста” в тексте является одной из особенностей герменевтического понимания) такая характеристика присутствует. Так В.В. Семенова, характеризуя навыки, которые “необходимы исследователю-качественнику”, пишет, что последний – “это практик, который сам от начала до конца осуществляет “монтаж” фрагментов информации об изучаемой реальности в концептуальное видение” [12, 13].

⁷ За неимением места я сознательно уйду от проблемы, которая дебатруется по сию пору. Проблема эта формулируется Гераном Терборном следующим образом: “основная задача социологической теории состоит в концептуализации социального порядка, его возможности и / или социального действия”. При втором варианте (когда исходят из социального действия) по мнению Терборна, отсутствует или считается второстепенным именно стремление *объяснять*” [13, 75]. Однако в социологической, а также в философско-методологической и логической литературе, объяснение действий через обращение к мотивам и целям относят к особому виду объяснения: собственно телеологическому (в отличие от “квазителеологического”, функционального) и считают, что такое объяснение принципиально отличается от собственно каузального, имеющего характер закона. Такое объяснение фон Вригт называет “квазикаузальным”: “... концептуальное различие, – между каузальными и квазителеологическими объяснениями, с одной стороны, и квазикаузальными и телеологическими – с другой, заключается в том, что справедливость объяснений первого типа зависит от истинности номической связи, в то время как справедливость объяснений второго типа не зависит от нее, по крайней мере, в явной их формулировке” [9, 118].

собственным пониманием. Например, сторонники “твёрдой руки”, которая должна “навести порядок”, воспринимаются как признак “авторитарных предпочтений”, а мнение населения о том, что “приватизация неизбежно приводит к социальному напряжению”, рассматривается как отрицательное отношение к частной собственности и т. д. Адекватное толкование информации об оценках, мотивах и ориентациях, *реконструкция смысла, который в них вложен*, обусловлены способностью интерпретатора (исследователя) воссоздать относительно целостную картину духовного мира респондента, соответствующим образом ее квалифицировав. В принципе – это типично герменевтическая, синтезирующая процедура воссоздания “целого” на основе знания “частей” - отдельных высказываний. И существенную роль в этом “постижении” чужого смысла играет интуиция исследователя, его личный жизненный опыт или то, что Ч. Миллс называет “социологическим воображением”.

Укажу, однако, на два обстоятельства, которые характеризуют социологическую интерпретацию и свидетельствуют о том, что в нем достаточно органично сосуществуют герменевтические и “строго научные” процедуры. Во-первых, процедуры понимания и объяснения не исключают, а предполагают друг друга. Более того, то или иное понимание “чужого” смысла *является необходимой предпосылкой выбора теории, используемой для объяснения эмпирических данных*. Например, квалификация устремленности к “порядку” как признака авторитарного сознания обуславливает обращение к теориям авторитаризма; осуждение крайней социальной поляризации как проявления “уравнительности” рассматривается в духе концепции консервативности идеологии и т. д.

Во-вторых, адекватное понимание смысла ответов респондентов не только результат синтезирующей интуиции исследователя, ассоциативности его мышления (умения “увязать” друг с другом ответы на различные вопросы)⁸. При использовании так называемых “количественных методов” реконструкция целого (позволяющая уловить смысл) существенно облегчается, благодаря различным математическим методам, дающим возможность установить связи между переменными, осуществить группировки различных признаков. Но все это является лишь эмпирическим обобщением, которое не относят к теоретическому уровню, а, следовательно, не характеризуют как объяснение. Известно, например, что Р. Мертон выражал неудовольствие по поводу того, что предложенные им теории среднего ранга отождествляют с эмпирическим обобщением. С самого начала “построения социологической теории на основе эмпирических исследований” ... ”была проведена, – как он считает, – четкая грань между теорией как комплексом логически взаимосвязанных посылок, из которых выводятся подлежащие эмпирической проверке гипотезы, и эмпирическим обобщением как изолированным суждением, в котором оцениваются обнаруженные универсалии в отношении двух или более переменных” [15, 73].

На то, что неправомерно “путать” закон и эмпирическое обобщение указывает и Джонатан Тернер [16, 109], считающий, что установление закона необходимо связано с теоретизированием и объяснением [16, 104]. В методологии и логике науки признается, например, что объясняющей способностью обладают как “теоретические”, так и “эмпирические” законы, которые именуется также “законами наблюдаемости”. Последние, как и всякие научные законы, как считается, обладают такими характеристиками как универсальность, существенность, основанная на логической доказательности достоверность (аподиктичность) и др. Однако законы эти обладают

⁸ Например, в оценке приватизации преобладало не только мнение о социальной напряженности как следствии приватизации, утверждалось, что она проводится в интересах верхушки общества и приведет к диктатуре крупных собственников, но и мнение о том, что реформирование путем приватизации – это наиболее эффективный путь развития. Все это в сочетании с информацией о том, что не одобряются именно “пути и методы” приватизации свидетельствовало о следующем, что смысл отрицательной оценки различных сторон приватизации состоит не в принципиальном ее отрицании, а в неодобрении того, как на практике она проводится.

меньшей “объяснительной способностью, чем законы теоретические” [8, 46-48]. Что касается социологии, то здесь, дебатировался не только вопрос об объясняющей способности “эмпирических законов”, но и ставится под сомнение возможность их выделения наряду с эмпирическим обобщением [16, 115]. Различия в оценке объясняющей способности тех или иных форм социологического знания определены предпочтением “макро” или “микро” подхода к предмету социологического исследования. Сторонники первого, скептически относясь к объяснительным возможностям “эмпирических законов”, считают, что “объяснения социологического типа (обнаруживаемые также в антропологии, политической науке и историографии) сводятся к объяснению поведения людей различиями их культурной принадлежности, местоположения в социальной структуре или взаимодействием того и другого” [13, 83]. Поклонники второго, признающие значимость “конкретных объяснительных принципов”, обращают внимание на то, что работающие на микроуровне интерпретативистские школы ввели в социологию содержательно важные теории и что *объяснение и в случае обращения к субъективности связано с каузальностью*. Р. Коллинз, характеризуя позицию И. Гоффмана, которого он называет “гением микроинтерпретации”, пишет следующее: “Хотя содержание социологии во многом (но не во всем) состоит из проявлений человеческой субъективности, отсюда не обязательно следует, что такое познание и чувствование причинно совсем не обусловлено” [17, 48].

Итак, социологическая интерпретация включает и понимание, и объяснение. Та и другая процедура, обладая определенной спецификой, помогает решать соответствующие каждой из них задачи. Понимание и объяснение в социологическом исследовании не исключают, а предполагают друг друга. Более того, достоверность “строго научного объяснения”, опирающегося на теорию и фиксируемые данной теорией номические, причинные связи и отношения, в значительной степени обусловлена адекватностью понимания эмпирических данных, независимо от того, каким способом они получены: путем качественных “гибких” методов, либо “жестких”, количественных. Соответственно, социолог должен обладать различными способностями, позволяющими ему “чувствовать”, “постигать” происходящее и “рационально” его объяснять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакевич Хелена. Реализм и социология: вышла ли социология из кризиса? // Социо-логос. Социология, антропология, метафизика. Вып. 1. Общества и сферы смысла. - М.: – Прогресс, 1991. – С. 170-185.
2. Давыдов Ю.Н. “Большой кризис” в теоретической эволюции П. А. Сорокина // Социологический журнал. –1999, № 2. – С. 164-170.
3. Петров В. В. Научные термины: новые аспекты анализа //Логика научного познания. Актуальные проблемы. – М.: Наука, 1987. – С. 172-179.
4. Тульчинский Г.Л. Интерпретация и смысл // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 33-47.
5. Рузавин Г. И. Проблема понимания и герменевтика. // Герменевтика: история и современность. - М.: Мысль, 1985. – С. 162-178.
6. Гусев С.С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. – М.: Госполитиздат, 1985. – С. 191.
7. Давыдов Ю.Н. Введение. Теоретическая социология и ее история // Очерки по истории теоретической социологии XIX- начала XX веков. – М.: Наука, 1994. – С. 5-21.
8. Никитин В. П. Объяснение - функция науки. – М.: Наука, 1970. – С. 280.
9. Вригт Г.Х. Часть I. Объяснение и понимание // Г. Х. фон Вригт. Логико-философские исследования: Избр. тр. - М.: Прогресс, 1986. – С. 37-242.

10. Федотова В.Г. Понимание в системе методологических средств современной науки // Проблемы объяснения и понимания в научном познании. Сб. статей. – М.: Ротапринт. изд., 1982. – С. 87-119.
11. Никитин В.П. Природа обоснования. – М.: Наука, 1981. – С. 176.
12. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – С. 289.
13. Терборн Геран. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества. Фундаментальные проблемы. – М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. – С. 73-102.
14. Уолш Дэвид. Социология и социальный мир // Новые направления в социологической теории. – М.: Прогресс, 1978. – С. 47-79.
15. Мертон Роберт. Социальная теория и социальная структура. – Киев: Абрис, 1996. – С. 109.
16. Тернер Джонатан. Аналитическое теоретизирование // Теория общества. Фундаментальные проблемы. – М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. – С. 103-156.
17. Коллинз Рэндалл. Социология: наука или антинаука // Теория общества. Фундаментальные проблемы. – М.: Канон - Пресс-Ц, 1999. – С. 37-72.